

Сто пятьдесят лет назад в 2 часа 45 минут 29 января (10 февраля по новому стилю) его не стало.

Дундуков-Корсаков, председатель цензурного комитета, требовал к себе редактора журнала, осмелившегося поместить анонимную заметку памяти поэта, и учинил разнос: «Что за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе! «Солнце поэзии»! Помилуйте, за что такая честь! «Пушкин скончался... в середине своего великого поприща»! Какое это такое поприще!.. Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж!.. Писать стихи не значит еще проходить великое поприще!..»

Судьба великих поэтов — им дано пережить славу государственных мужей и военачальников своего времени. Кто помнит и знает того же Дундукова-Корсакова, а Пушкин с нами с малых лет, с первых книжек. Он и потом с нами, когда головы уже серебрят седина. Он широк и безбрежен, как сама наша жизнь. Потому и говорим мы о нем: «Наш Пушкин!»

Корреспондент «Известий» вышел к памятнику Александру Сергеевичу (здание редакции рядом, в двух шагах) и взял несколько интервью. У людей разных — москвичей и приезжих, безвестных и известных, узнаваемых на улицах так же, как на экранах телевизоров. Вопрос задавал такой: «ЧТО ЗНАЧИТ ДЛЯ ВАС ПУШКИН, ЧЕМ ОН ДОРОГ ВАМ?»

ЗВЕСТИЯ

ОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ СССР

Вторник, 10 февраля 1987 года

Цена 4 коп.

НАШ ПОЭТ

Антонина КЕРИХ,

начальник участка железнодорожного почтамта Павелецкого вокзала, приехала с девятилетней дочерью Олей из подмосковной Малаховки.

— Его каждый раз открываешь для себя по-новому. Прежде у меня не было Собрания сочинений Александра Сергеевича. Знала, конечно, и помнить, особенно стихи, помнила. А недавно подписала на трехтомник. Открыла и — зачиталась, будто в первый раз. Вижу знакомые строки, а воспринимаю их по-другому. Многие ли умеют и могут так точно знать о нас, чувствовать то, что мы сами чувствуем?

А у Олечки Пушкин свой...

Оля:

— Я его сказки люблю. Самая любимая — «О мертвой царевне и семи богатырях». Вы знаете, нашу школу в Малаховке давным-давно основал родственник Пушкина. Все школьники этим гордятся. К юбилею конкурс проводили: кто больше стихов Александра Сергеевича наизусть знает. И стенгазету младшеклассники выпустили. Она так и называется — «Сказки Пушкина...»

Он для меня, ну как очень хороший знакомый. Только как будто бы живет где-то далеко-далеко...

Олена АРТАМОНОВА,
служащая:

— Я люблю больше стихи, которые рвутся, а не льются. Люблю Марину Цветаеву. А ей дорог был Пушкин. Им нельзя не дорожить, я понимаю это. Он был прозорлив. И сейчас есть Евгений Онегины. В других одеждах, другие обликом, но есть. «Нам не дано предугадать...» — писал Федор Тютчев. Но это о нас, обычных. Пушкину же — свойство гениев — предугадать было дано. Не знаю, что еще вам сказать. Это в Пушкине для меня главное...

Александр МЕЖИРОВСКИЙ,
служащий:

— Вырос я в Виннице, на Украине. Пушкин мне открыл Россию. Особенно своей прозой. Вчитался я в его повести не оттого, что это требовалось по школьной программе. Захватило само письмо, то, как он рассказывает, о чем рассказывает. Казалось бы, дела давно минувших дней. Но все это существовавшее само по себе, по мере чтения вдруг стало приближаться

ко мне, становясь моим знанием, моими чувствами, моими радостями и переживаниями.

Школу я закончил лет десять назад. Много, разумеется, книг хороших и разных прочел. Но то первое большое свидание с миром Пушкина никогда не забыть. Разве возможно забыть то серьезное, что когда-либо было в твоей собственной жизни, формируя тебя таким, какой ты есть?

Виктор РОЗОВ,
драматург:

— Уж больно хорош! Энциклопедия жизни человеческого духа и тела, я бы так сказал о нем и его произведениях.

Не совсем понимаю, когда спрашивают о его роли в твоей судьбе. Ученые, свадьба, дети — роль этих понятий в судьбе объяснима. А как, к примеру, объяснить роль глотка прохладной воды в жаркую погоду? Прочитать Пушкина — тот же освежающий глоток, только из источника духовности.

Самое поразительное, что, прожив всего-то 37 лет, он прекрасно чувствовал то, что чувствуют люди в зрелом и преклонном возрасте. Он никогда не лукавил. Описывал человека не одной краской, подмечал в нем черту не какую-либо одну, а во всех его проявлениях, равно способного и на подвиг, и на нечто ужасное. Собственно поэтому он открывает нам, когда читаешь его, мир. Мое любимое высказывание о гениях литературы: они как бы поднимают меня, вас под локотки на вершину, и с этой вершины мы начинаем видеть мир шире, нежели прежде.

Таков и Пушкин.

Не знаю, как у вас, но я, когда читаю его произведения, не вижу лица автора. Так же бывает со мной, когда читаю Шекспира. Вот Достоевского, Лермонтова, Льва Толстого вижу — облик, взгляд. Кажется, и голос слышу. Толстого даже побаиваюсь — он будто требует от меня каких-то поступков. А Пушкин — нет. Он нигде не назидателен. Он растворен в сценах жизни, им описываемой. Я читаю его и вижу себя, близких. Все это узнаваемо, и в то же время одухотворяет нас, делает лучше. Великие авторы, а Пушкин — велик, всегда открывают тебя самого тебе же во благо...

НАШ ПОЭТ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Валерьян ФУРМАНОВ,
бывший летчик
полярной авиации:

— Да, Пушкин... Конечно...
Я, если можно, прочту свои
стихи. Ему. Вот эти.

«Погибну сам иль он будет
убит».

Так думает поэт, чуть голову
склонив.

Нет, не от страха.
Так удобней думать...

Он пальцы возле сердца
положил

И смотрит в мстительное
шарящее дуло.

Дело в том, что сочинил их
здесь, у памятника. Долго ду-
мал, в какую минуту изобразил
Опекушин поэта. Приходил сюда
не раз, ходил вокруг памятника.
И решил — стоящим под дулом
пистолета.

Я люблю Пушкина. Мне неко-
го поставить с ним наравне. Он
— один.

Юрий НИКУЛИН,
народный артист СССР:

— Так сразу и не ответишь...
Не было бы Пушкина, я бы сам,
наверное, был бы другим. Лю-
бимая библиотека в детстве бы-
ла у меня Пушкинской. Полвой-
ны стоял я под городом Пуш-
кином. Выбивали фашистов. Вы-
били. Дивизиону нашему при-

своили звание «Пушкинский». И
живу я теперь на Большой
Бронной, рядом с Пушкинской
площадью. Вот так все в судьбе
связалось...

А когда читаю сочинения
Пушкина, такое у меня впечат-
ление, что словно дышу атмо-
сферой объяснимости, и вся
гигантская палитра его образов
наполнена сильным дневным све-
том. Не воспринимаю его, как
поэта прошлого, нет. Он — мой
современник.

Лидия СЕРГЕЕВА,
работает дворником
в Ленинграде:

— Памятники большим людям,
я так понимаю, потому на люд-
ных местах ставят, чтобы они
все время с нами были. И пра-
вильно делают. Хороших людей
всегда помнить надо. Пушкин
хороший человек был, я знаю.
Порядочный. Он за честь жены
заступился, себя не пожалел.
Я его очень уважаю.

Владимир ШИКИН,
филолог:

— По мне он идеальное во-
площение судьбы личной и
творческой. Да, он погиб. Но
погиб, не отступив. Это —
характер человека недюжинной
силы, способного идти даже на
смерть, если нет иного выхода.
И потом, он носитель той
иерархии нравственных ценно-
стей, которые мы, к сожалению,

утрачиваем. Когда читаешь
Пушкина, яснее понимаешь, что
такое честь человека, достоин-
ство его, как надо любить Оте-
чество, каким вообще надо
быть человеку в мире людей.

Помню, какое сильное потря-
сение испытал при чтении «Мед-
ного всадника». Знал, что рус-
ская литература сильна любовью
к маленькому человеку. Пола-
гал, что ярче всех высказал ее
Достоевский. Но оказалось, исто-
ки-то — у Пушкина. Так и в
другом, что ни возьми. Он неис-
черпаем. Он всегда впереди нас,
достичь его невозможно. И в
этом смысле он действительно
подобен солнцу, к которому, как
ни стремись, приблизиться не
дано.

Полностью согласен с докто-
ром филологических наук про-
фессором Александром Михай-
ловичем Панченко, сказавшим
однажды о том, что каждая
нация нуждается в духовном
наставнике, и Пушкин как никто
другой отвечает этой потребно-
сти...

СВЕТЛАНА БУРЦЕВА,
художник-оформитель:

— Когда мы говорим: Пушкин
— живой, это не метафора. Он
действительно живой — в сво-
ей поэзии, прозе, исторических
исследованиях. Но плохо, когда
он начинает бронзоветь, когда
все воздают хвалу постольку,

поскольку так принято. Напом-
ню гоголевскую мысль: чем исти-
ны выше, тем следует осторо-
жнее быть с ними. Иначе они
обратятся в общие места, а об-
щим местам нынче не верят.

Пушкин дорог мне. Так же
дорог он, конечно, многим и
многим людям разных возрас-
тов. Но эту любовь к нему на-
до, считая, носить в себе, в
своем сердце, не распылять ее,
не растрчивать в частом
употреблении.

Сергей СЕВАСТЬЯНОВ,
машинист тепловоза депо
«Лихоборы» Московской
железной дороги:

— Он был искренним, а это
свойство людей высокого духа,
большой человечности. Он был
искренним во всех своих по-
ступках, даже когда ошибался.
Искренность и честность —
родные сестры. Хороших лю-
дей, может, действительно
больше, чем плохих. Так было в
прошлые времена, так и сего-
дня. Но людей, способных оста-
ваться и в трудные минуты
честными, их не так уж много.
Пушкин и с царем не робел го-
ворить открыто, по справедли-
вости. Таких людей мы справед-
ливо считаем настоящими граж-
данами своего Отечества. Пуш-
кин для меня образец гражда-
нина.

Записал Вл. АРСЕНЬЕВ.

ЗИМА, ПУШКИНОГОРЬЕ

Фоторепортаж специального корреспондента «Известий» Сергея СМЕРНОВА

Первые дни ссылки он хандрил. А потом однажды, после отъезда родителей, приказал: «В собственный нашего высокогродия апартамент поставить: книжных шкафов — два, канapeй — один, туалет — тож, кресел — четыре. Кровать поставить в углу, завесив ее пологом, который приказано найти госпоже Родионовой незамедлительно. Дорожный баул — под диван, ящик с пистолетами и книгами не трогать, под страхом отправления в крепость! Все!» Потом раскрыл портфель, шкатулку. Поставил на свои места портреты Жуковского, Байрона, «столбик с куклой чугунной», подсвечник, чернильницу...

И сегодня в этой скромной комнате старого ганибаловского дома все, как при его жизни. Все вещи на своих местах. Здесь, в деревенском кабинете поэта, рождались его гениальные строчки. Кажется, рождаются вновь!

Откуда он, этот аромат достоверности?! От большой любви к своему делу людей, посвятивших Пушкину жизнь. Они все: экскурсоводы, лесничие и самые скромные музейные работники этих святых мест — подвижники. В Михайловском вы не найдете окурков на дорожках, поломанных веток у кустарников, атмосфера заповедника не позволит здесь безобра-

значать. Атмосфере этой мы обязаны в первую очередь верному «домовому» этих мест — главному хранителю Михайловского Семену Степановичу Гейченко.

...Чисты и прозрачны дали в Михайловском. Пушисты белые снега над Соротью. Четок, графичен силуэт старой мельницы. И, чу! Слышите звон бубенцов. Сейчас остановится тройка у дома с белыми колоннами. Из саней выйдет хозяин дома и легко взбежит на его крыльцо...

● Мельница на берегу Сороти.

● Рабочая комната Александра Сергеевича Пушкина.